

№ 7183

РАФАЭЛЕВА
СИКСТИНСКАЯ МАДОННА.

А. В. НИКИТЕНКО.

№ 7183

МОСКВА.
Въ типографіи Каткова и К^о.

1837.

А

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, 8 ноября 1857 года.

Ценсоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

(Перепеч. изъ № 19 Русск. Вѣстн. 1857 г.)

А

Всякій, кто посѣтилъ дрезденскую картинную галерею, считаетъ за долгъ сказать что-нибудь о Рафаэлевой «Мадоннѣ», еслибы даже какъ-нибудь случилось, что онъ ея и не видѣлъ. Говорить о ней сдѣлалось общимъ мѣстомъ у путешественниковъ и не-путешественниковъ, имѣющихъ притязаніе на рѣчи о высокихъ предметахъ. Но не говорить о ней тому, кто видѣлъ ее, нѣтъ никакой возможности. Впечатлѣніе, ею возбужденное, столь могущественно и неотразимо, что вы на нѣсколько времени лишаетесь способности думать и говорить о чемъ-нибудь, кромѣ ея. Не надобно быть записнымъ цѣнителемъ живописи или знатокомъ ея технической части, надобно быть только человѣкомъ, знакомымъ сколько-нибудь съ жизнію мысли и духа, чтобы испытать подобное впечатлѣніе. Значеніе ея состоитъ именно въ господствѣ внутренняго ея смысла, ея выраженія надъ всѣми принадлежностями и средствами техники. Всѣ другія совершенства картины кажутся столь мало занимавшими самого художника, столь свободно вытекающими изъ самаго предмета ея, или легко достигнутыми, столь наконецъ, при исполненіи главнаго условія, обыкновенными и естественными, что было бы необъяснимою странностію не найти или не предполагать ихъ. И внутренній смыслъ картины дѣйствительно вылился въ ней такъ безыскусственно и просто, съ такою ясностію сознанія и увѣренностію кисти, что для васъ тутъ и не можетъ

А

быть ничего недоступнаго, непостижимаго, кромѣ глубины и величія самаго предмета. Достиженіе цѣли здѣсь полное и окончательное; о средствахъ забываешь невольно, и вниманіе поглощено тѣмъ, что сдѣлано, до такой степени, что некогда думать уже о томъ, какъ, чѣмъ и даже кѣмъ это сдѣлано. Передъ вами Св. Дѣва и Божественный Младенецъ, это главная или, лучше сказать, единственная мысль, наполняющая вашу душу. И какъ тутъ, въ самомъ ощутительномъ, въ самомъ реальномъ и несомнѣнномъ присутствіи ихъ, думать о чемъ — нибудь кромѣ ихъ самихъ и великости ихъ значенія? Чтò значать достоинства живописи и всѣхъ человѣческихъ искусствъ передъ событіемъ, которому подобнаго не было отъ созданія міра и не будетъ до скончанія его, о которомъ вы слышите съ благоговѣніемъ въ храмахъ, о которомъ вамъ говорили столько разъ исторія и собственный просвѣщенный христіанскимъ ученіемъ разумъ, и которое вотъ теперь какъ бы само передъ вами во всей свѣжести жизни, во всей ея очевидности? Еслибы художникъ былъ сочинителемъ сюжета, мы подивились бы его творческой изобрѣтательности; здѣсь, кажется, и удивляться нечему: это ни болѣе, ни менѣе, какъ должное исполненіе задачи. Художникъ не изобрѣлъ и не могъ изобрѣсти ни содержанія, ни принадлежностей и характеристики для своего идеала. Чтòбы подобный идеалъ могъ представиться чѣму-нибудь сознанию, надобно, чтобы человѣчество прожило тысячелѣтія, надобно, чтобы процессъ божественной промыслительности на землѣ совершился своимъ неисповѣдимымъ образомъ, и явились на ней иныя лица, иныя дѣла, понятія и вѣрованія, запечатлѣнные знаменіемъ новой жизни и новой будущности. Итакъ художнику принадлежитъ честь должнаго, ни болѣе, ни менѣе должнаго исполненія задачи. Но въ подобномъ-то исполненіи и состоитъ трудность и заслуга для чловѣка во всемъ — въ жизни, въ наукѣ, въ искусствѣ. Задаваться задачами не трудно, и люди нашего вѣка особенно къ тому поползновенны. Но многіе ли обладаютъ такою кристальною ясностію сознанія, чтобы идея задачи могла отразиться въ немъ во всей своей опредѣленности и дѣйственной чистотѣ, — и такимъ могуществомъ дѣятельной силы, технической или практической, чтобы при помощи ея та же идея могла выдвинуться изъ сознанія въ жизнь съ тою же опредѣленностію и чистотою, безъ излишества

и недостатковъ, явиться самой собою, и только собою (1)? Многіе ли изъ художниковъ достигли этого, ни болѣе, ни менѣе, должнаго выполненія своихъ задачъ, — художниковъ, которые бы при томъ, подобно Рафаэлю, средства выполненія дотого покорили предмету, что заставили бы позабыть въ себѣ живописцевъ, скульпторовъ, писателей, ставъ только глашатаями великихъ истинъ и предъявителями живой, самосущей красоты? Нельзя считать живописца достигшимъ высокой степени совершенства, когда можно о немъ сказать: какой онъ превосходный рисовальщикъ, или, — какой удивительный колористъ, ни писателя, о которомъ говорятъ: какой у него прекрасный слогъ! Пусть лучше скажутъ о томъ и другомъ: какъ умѣли они глубоко и вѣрно постигнуть такую-то сторону жизни, природы, чловѣка, и какъ умѣли оупществить ее въ ихъ духѣ и характерѣ! И первое, конечно, не лишено достоинства и заслуги; оно хорошо какъ побѣда твердой руки, вѣрнаго глаза, и если угодно, находчиваго ума надъ матеріей, какъ улучшение исполнительныхъ средствъ; но второе важно какъ достиженіе цѣли; оно-то и есть настоящее дѣло.

То, чтò предстояло для выполненія Рафаэлю и чтò должно было занимать его въ отважномъ его предпріятіи, какъ художника его степени, это не красота формъ, не изящная отдѣлка, удивляющая знатока и согласующаяся со всѣми требованіями взыскательнаго и утонченнаго вкуса, а глубокость и величіе мысли, заключающейся въ актѣ нашего возрожденія и спасенія. Для генія, столько же способнаго воспарять до крайней высоты вещей,

(1) Вотъ фактъ, показывающій, какъ художники съ великимъ дарованіемъ понимаютъ и важность этихъ требованій, и трудность имъ удовлетворить: однажды посѣтивъ К. П. Брюллова я засталъ его приготовляющимся идти въ свою большую мастерскую. Онъ работалъ тогда надъ картиною: *Осада Пскова*. Извѣстно, что онъ не охотно выпускалъ кого бы то ни было въ свою мастерскую. На сей разъ онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и предложилъ мнѣ идти съ нимъ. Я увидѣлъ натянутый холстъ огромнѣйшаго размѣра и на немъ множество фигуръ, то подмалеванныхъ только, то, какъ казалось, совсѣмъ конченныхъ. До сихъ поръ нѣкоторыя фигуры у меня въ памяти. Живость ихъ и характерность были изумительны, и нѣтъ сомнѣнія, что въ «Осадѣ Пскова» приготовлялось одно изъ лучшихъ произведеній Брюллова. Я стоялъ долго передъ картиною, какъ старый рыцарь въ ба-